

освоенный современной историографией далеко не полностью. Биографии и как исторические сочинения, и как литературные произведения, и как явления культуры заслуживают всесторонней оценки и пристального внимания. Для истории культуры итальянского Возрождения важны не только их событийная ткань, исторические воззрения авторов, но и социальные нормы, умонастроения, классовые групповые и индивидуальные психологические феномены, общественные идеалы и системы ценностей, проявляющиеся в отборе фактов, способе оценок, системе средств изображения человека, языковых формулах. Однако как исторический источник ренессансная биография полноценно может быть использована только в комплексе с источниками других типов.

И. И. МЕДВЕДЕВ

ВИЗАНТИЙСКИЕ И ПОСТВИЗАНТИЙСКИЕ КОПИЙНЫЕ КНИГИ

В отличие от афонских монастырей, архивы которых до сих пор хранят большое количество подлинных документов,¹ в монастырях других районов бывшей Византийской империи значительная часть актов содержится в рукописных сборниках копий, известных под названием «кодексы» или «кодики» (*κώδικες*).² Значение этих «копийных книг», значительно пополняющих запас актового материала, находящегося в распоряжении историков, общеизвестно, и тем не менее приходится констатировать, что именно этот раздел византийского и поствизантийского источниковедения является наименее разработанным. Факти-

¹ О состоянии афонских архивов см.: N. Oikonomides. Les archives médiévales du Mont Athos: état actuel de l'inventaire et programme de publication. Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies, London, 1967, p. 489—493. — Как известно, полное и систематическое издание афонских актов осуществляется в рамках французской серии «Archives de l'Athos».

² Не менее употребительным у византийцев для обозначения подобного рода сборников был термин *Κοιτάχιον* (множ. число — *κοιτάχια*, не путать с литургическими кофдаками). В дипломатике же их чаще всего называют или «копийными книгами» (см. Kopialbuch in: E. Gerland. Das byzantinische Registerwesen. Archiv für Urkundenforschung, 1933, Bd. 13, S. 39 ff), или «картуляриями», от латинского cartularium (A. Guillou. Les débuts de la diplomatie byzantine: Cyrille de Lavra. Bulletin de Correspondance Hellenique, vol. 82, 1958, p. 615; I. Dujcev. Le cartulaire A du monastère de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Mépécée retrouvé. Revue des études byz., 1958, vol. 16, p. 169—171 etc.). Впрочем, Дэльгер и Караджанопулос предпочитают всем этим названиям термин *diplomatarium* (F. Dölger, J. Караджанопулос. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 26, Anm. 7). Так же называли эти сборники и наши старые историки. См.: Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903, с. 176, и др.

чески мы можем очень многое сказать о задачах, целях, принципах и причинах составления этих сборников. Дипломатический же анализ попросту отсутствует, а между тем именно в отношении дипломатики этот тип исторического источника особенно интересен.

В настоящее время выявлено большое число византийских копийных книг: кодекс Серрской митрополии (1603—1837 гг.), три кодекса Смирнской митрополии (1690—1863 гг.), два кодекса митрополии Лариссы (1688—1857 и 1647—1868 гг. = *codd Athen.* 1471 и 1472), кодекс епископства Гелоса и Моцемвасийской митрополии (XVIII и XIX вв.), кодексы Трапезунтской (нач. 1698 г.), Патрасской и Лакедемонской митрополий.³ Наиболее известными копийными книгами являются кодекс соединенных монастырей Макринитиссы и Новой Петры (*cod. Taurin.* 237, к сожалению, сгоревший в 1904 г.),⁴ дипломатарий монастыря Лемвнотиссы (*Vindob. hist. graec.* 125, *olim.* 68),⁵ копийная книга монастыря св. Павла на горе Латро у Милета (*cod. Vatic. Urbin. graec.* 80, *fol.* 250 sq, как полагает Герланд, копия),⁶ знаменитый *παλαιὸς κώδιξ* монастыря Иоанна Продрома на горе *Μενοίκις* у Серр (утраченный, долго разыскиваемый и сравнительно недавно обнаруженный Дуйчевым в Библиотеке Пражского университета, ныне *cod.* XXV, с. 9 (605)),⁷ копийные книги монастыря *τῆς Ἐλεούσης* у Струмпы⁸ и монастыря Иоанна Продрома на горе Вазелон, или Завулон, у Трапезунта (Греч. 743 ГПБ им. Салтыкова-Щедрина),⁹ дипломатарий

³ Литературу об этих сборниках см.: E. Gerland. *Das byzantinische Registerwesen*, S. 39, Anm. 1.

⁴ *Ibid.*, S. 39; E. Trapp. *Chronologisches zu den Diplomatarien des Paulosklosters am Latros und der Makrinitissa*. *Byz. Forschungen*, 4, 1972, S. 206—213.

⁵ F. Miklosich. *Jos. Müller. Acta et Diplomata graeca medii aevi*, vol. IV. *Vindobonae*, 1871, p. 1—289.

⁶ *Ibid.*, p. 290—329.

⁷ *Cartulary A of st. John Prodromos Monastery, with an introduction by I. Dučev. Variorum Reprints. Byz., Ser. 6, London, 1972* (первое факсимильное издание кодекса по Пражской рукописи XXV, с. 9 (605)). — Cf.: F. Dölger. 1) *Die Urkunden des Johannes-Prodromes-Klosters bei Serrai*. *SB. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl., München*, 1935, H. 9; 2) *Nachrichten über den «alten Codex A» des Johannes Prodromesklosters bei Serrai*. *Byz. Zeitschr.*, 1936, Bd. 36, S. 278; A. Guillou. *Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée*. Paris, 1955, p. 18 sq.; I. Dučev. 1) *Le cartulaire A du monastère de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée retrouvé*, p. 169—171; 2) *Der wiederaufgefundene «Alte Kodex» des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai*. *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*, 1959, Bd. 2, S. 116—121; 3) *L'ancien cartulaire du monastère de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée*. *Зборник Радова Византолошког института*, 1960, кн. 6, p. 171—185; V. Laurent. *Remarques sur le cartulaire du couvent de Saint-Jean Prodrome sur le Mont Ménécée*. *Revue des études byz.*, 1960, vol. 18, p. 293—299.

⁸ L. Petit. *Le monastère de Notre Dame de Pitié*. *Изв. Русск. археол. института в Константинополе*, 1900, IV, с. 25—46.

⁹ Ф. И. Успенский, В. В. Бенешевич. *Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Ви-*

XVIII в., происходящий, по нашим предположениям, из константинопольской патриархии (F № 3 Библиотеки АН СССР),¹⁰ картулярный монастыря Χεροхораφνῆ τῆς Ἱερᾶς, остатки которого найдены в рукописях Marciani S. Marco 308 et 316, Volleianus Roe 9, Ambrosianus P. 121 sup.,¹¹ и др. Следует подчеркнуть, что многие монастыри имели такие книги в нескольких списках. Например, кодекс «В» (cod. Athen. 2857) и так называемая «копия Нотары», принадлежавшие монастырю Иоанна Продрома на Мениккйской горе, были скопированы (соответственно в конце XVII и начале XVIII в.) с упомянутого уже «древнего кодекса А» этого монастыря,¹² в большом количестве списков существовали кодексы Вазелонского монастыря¹³ и т. д.

Интересен сам по себе факт, что возникновение византийских копийных книг приходится как будто на XIII в.¹⁴ Именно в это время в Византии прекращается массовое употребление так называемых регистрационных книг (commentarii principis, βέγεστα αἱ, ἡμερήσια συνοδικαὶ παρασημειώσεις и т. д., т. е. книг, в которых регистрировались выпущенные какой-либо канцелярией или полученные дестинатором документы с кратким изложением их содержания), хотя константинопольский патриархат (как, впрочем, и другие патриархаты — Александрии, Антиохии, Иерусалима, Охрида, — а также все митрополии и епископства)

запнп XIII—XV вв. Л., 1927; ср. также: F. Dölger. Zu den Urkunden des Vaselonsklosters bei Trapezunt. In: Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 350—370.

¹⁰ И. П. Медведев. Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР. Византийский временник, 1971, т. 32, с. 223—231.

¹¹ N. Wilson, I. Dargouzes. Restes du cartulaire de Hiéra Xerochoraphion. Revue des études byz., 1968, vol. 26, p. 5—47.

¹² См. стр. 308, прим. 7.

¹³ О них см.: Ф. И. Успенский, В. В. Бенешевич. Вазелонские акты, с. I—XXVIII. — Любопытны сведения, сообщаемые Успенским и Бенешевичем о четвертом кодексе (Д) Вазелонского монастыря, который «увезен кем-то из европейских путешественников» и в котором «находились документы древнейшие, будто бы даже от 772 г.». «Нужно желать, — заключают они, — чтобы этот кодекс поскорее обнаружился в одной из европейских библиотек» (там же, с. V). Насколько нам известно, в настоящее время переиздание Вазелонских актов готовят Этони Брайер (Бирмингемский университет, Англия) и Н. Панаютакис (Янина, Греция). Не на основе ли этого утерянного кодекса?

¹⁴ По крайней мере именно к этому времени относится древнейший из известных нам кодекс соединенных монастырей Макринитиссы и Новой Петры. Что касается кодекса Мениккйского монастыря, то его датируют то 1344 г. (Hig. Christophore. Προσφυγητάριον τῆς ἐν Μακεδονίᾳ παρὰ τῇ πόλει Σερρῶν στυροπηγιακῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ ἁγίου τοῦ Προδρόμου. Leipzig, 1904, S. 4; F. Dölger. Die Urkunden des Johannes-Prodromos-Klosters, S. 5, Anm. 1), то периодом между 1345 и 1352 гг. (A. Guillon. Les archives de Saint-Jean-Prodrome, p. 18; I. Dujčev. L'ancien cartulaire..., p. 172), и только Лоран (решающим для него является почерк) считает, что сборник составлен в XV в. или в лучшем случае в конце XIV в. См.: V. Laurent. Remarques sur le cartulaire..., p. 295.

не прекращал деятельности по регистрации своей документации вплоть до новейшего времени, именно в XIV—XV вв. она достигла своего наибольшего развития.¹⁵ Герланд связывает приостановление регистрационной практики светскими властями с фактом латинского завоевания.¹⁶ Но в таком случае напрашивается мысль, не вызвано ли возникновение практики составления копийных сборников также латинским завоеванием и привнесением в Византию западноевропейского картулярия. Если эта гипотеза верна, то, очевидно, придется отбросить мнение о генетической связи византийских копийных книг с вышеупомянутыми регистрационными (эквивалент древнерусским «записным книгам» или западноевропейским книгам имбревнатур) книгами.

Что касается состава византийских и поствизантийских копийных книг, то он достаточно пестр: среди копий документов можно встретить жалованные грамоты (императорские хрисовулы и простагмы), акты церковно-административного управления, патриаршие документы, акты частного характера (купчие, дарения, завещания, брачные контракты и т. д.), но нередко также и монастырские тишки. Так, кодекс Струмницкого монастыря τῆς Ἐλεούσης включает ктиторский устав, семь грамот императоров компниповской династии и акт отвода монастырю земли 12 дворов монастырских парков; παλαιὸς κώδιξ Меникийского монастыря также содержит тишки монастыря и 14 актов (12 императорских, один хрисовул Стефана Душана и один патриарший документ). При этом нередко такого рода книги представляют собой не просто механическую сводку копий с единичных актов, а сборники с особой системой подбора материала. Несомненно был обработан и носил явные следы редакции монастырский дипломатарий Макринитиссы и Новой Петры,¹⁷ документы которого расположены в известном порядке: хрисовулы и простагмы Михаила Палеолога (№ 1—5) и аргировул его брата Иоанна (№ 6), две грамоты местных деспотов Дук (№ 7 и 8), патриаршие грамоты и постановления (синодальное и епископское) о правах и владениях обеих монастырей (№ 9—18). Далее помещены приказы севастократора, потом деспота, императорского брата Иоанна Палеолога о различных имущественных монастырей (№ 19—24). Последующие документы (№ 25—42) относятся к различным метохам и угодиям обеих монастырей, причем из них выделяется группа актов продажи и пожертвования со стороны жителей сел Дрианувелы и Велестипа (№ 27—33). Все документы относятся к ограниченному промежутку времени — 1245—

¹⁵ Подробнее см.: E. Gerland. Das byzantinische Registerwesen, S. 34—38; J. Darrouzès. 1) Recherches sur les officia de l'Église Byzantine. Paris, 1970; 2) Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle. Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971.

¹⁶ E. Gerland. Das byzantinische Registerwesen, S. 34.

¹⁷ Ср.: Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии..., с. 176; N. Wilson, J. Darrouzès. Restes du cartulaire..., p. 12.

1278 гг. Редактор кодекса не только расположил акты в известном порядке и перенумеровал сходные, но и вставил в некоторых случаях прозаические вступления и эпилоги.

Одной из основных проблем, которые встают перед исследователями в процессе изучения византийских и поствизантийских копийных книг, является проблема правомочности признания за ними свойств официального документа, облеченного общественным доверием (*fides publica*) и способного в известных обстоятельствах фигурировать в качестве средства доказательства (при утрате подлинников скопированных документов), скажем, прав монастыря на недвижимые земельные владения. Дэльгер и Караяннопулос также задаются этим вопросом: «Обладали ли и в какой мере эти дипломатарии публичным доверием?» — и тут же делают любопытное добавление: «...если они (т. е. дипломатарии, — *И. М.*) не были надлежащим образом заверены?».¹⁸ Иначе говоря, Дэльгер и Караяннопулос считают само собой разумеющимся, что монастырские копийные сборники официального характера, т. е. скрепленные тем или иным лицом, облеченным общественным доверием, являлись документами и могли заметить подлинник. Такие «заверенные» копийные книги действительно имелись в Византии, и самой знаменитой из них является уже знакомый нам кодекс монастырей Макринитиссы в Новой Петры, собственноручно скрепленный подписями императора Андроника II Палеолога и патриарха Иоанна Векка.¹⁹ Вряд ли можно сомневаться, что эти подписи воспринимались как бесспорное средство аутентификации, придавшее кодексу *publica fides*.²⁰ Нерешенным остается вопрос о большей части

¹⁸ F. Dölger, I. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre...*, S. 26, 133.

¹⁹ F. Miklosich. Jos. Müller. *Acta et Diplomata...*, p. 429—430. — Дэльгер и Караяннопулос утверждают, что личными подписями императора и патриарха (имена не указаны) удостоверен дипломатарий монастыря Иоанна Продрома (на Мениклийской горе) (F. Dölger, I. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre...*, S. 26, Anm. 12). Но это явная ошибка. Последний вообще не имеет никакого знака аутентификации, хотя он, по мнению Лорана, и производит впечатление официального сборника, составленного с претензией на публичное доверие (*recueil officiel destiné à faire foi*). за что говорят, по мнению этого же ученого, ясное расположение текстов и прекрасная каллиграфия (V. Laurent. *Remarques sur le cartulaire...*, p. 294). Очевидно, Дэльгер и Караяннопулос имеют в виду упомянутые нами подписи Андроника II Палеолога и патриарха Иоанна Векка на кодексе монастырей Макринитиссы и Новой Петры.

²⁰ E. Gerland. *Das byzantinische Registerwesen*, S. 39. — Вильсон и Даррузес как будто скептически настроены даже в отношении этого случая «удостоверения», подчеркивая его уникальность и тот факт, что «именно этот картулярный наименее надежен из всех в том, что касается воспроизведения подписей (свидетелей, — *И. М.*), по крайней мере для частных актов; пометы и стихотворные вставки, сопровождающие многие акты, особенно императорские и патриаршье, имеют свое значение, но не могут заменить точную копию во время судебного разбирательства» (N. Wilson, J. Darrouzès. *Restes du cartulaire...*, p. 11).

тех византийских и поствизантийских копийных книг, которые вообще не имеют никаких скреп и, стало быть, не являются официальными. Герланд считает, что эти сборники были обязаны своим возникновением «не столько практическим потребностям, сколько научным интересам» (курсив Герланда), добавляя при этом: «Богословские, юридические, исторические штудии вели к собиравню документальных доказательств».²¹ Он даже не замечает, что противоречит самому себе, ибо двумя страницами выше утверждал, что «возникновение копийных книг было обусловлено желанием получателей документов (курсив наш, — И. М.) спасти текст находившихся в их архивах документов от утраты»,²² очевидно, для того, чтобы потом воспользоваться копийной книгой как средством доказательства. Явно находясь под влиянием формулировки Герланда, Дэльгер и Караяннопулос тем не менее пожелали ее слегка смягчить. «Часто такие дипломатари, — говорят они, — преследовали не только практические цели, но в известной мере и научные».²³ Наконец, следует отметить мнение Д. Папахрисаффу, которая в рецензии на книгу Дэльгера и Караяннопулоса предложила относить копийные книги к разряду «свободных копий» (*copies libres*), предназначенных для внутреннего использования. «Действительно, — говорит она, — архивы содержат большое число копий, иногда очень древних, которые никогда не были признаны имеющими законную силу (*validées*), ибо они были предназначены для внутреннего использования. Они в своем большинстве честны и достойны доверия (*honnêtes et dignes de foi*) и оказывают огромную помощь для установления текста испорченных оригиналов. Именно в это подразделение должны входить подражательные копии (*copies figurées*), гораздо менее ценные и все достаточно поздние, а также большая часть контактов (картуляриев), которые не были признаны имеющими юридическую силу».²⁴

Разумеется, только обнаружение ссылок на такого рода копийные книги в случаях судебного разбирательства (и как следствие такой ссылки — выигранный процесс) могло бы опровергнуть столь категорично выраженное мнение. Однако нам неизвестно, знала ли подобные случаи судебная практика Византии²⁵

²¹ E. Gerland. Das byzantinische Registerwesen, S. 40.

²² Ibid., S. 38.

²³ F. Dölger, I. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre..., S. 26.

²⁴ Revue historique, 1970, t. 244, p. 163. — См. также мнение Васильевского относительно кодекса Лемвиотиссы: это «первоначальный оригинал, картулярный или дипломатарий, составленный и переписанный в самом монастыре в конце XIII столетия для исторической памяти и для практических нужд» (В. Г. Васильевский. Материалы для истории Византийского государства. Журнал Министерства народного просвещения, 1880, июль, с. 114).

²⁵ Регистрационным книгам в этом отношении повезло больше. Интересны, например, данные изданного Мейером «Рассказа», согласно которым

и стран на территории бывшей Византийской империи. И тем не менее нам кажется а priori маловероятным, что эти копийные книги не имели никакого практического значения именно в юридическом плане. Несвершенство регистрационной техники, неразбериха в архивном деле, массовая утрата подлинных документов, отсутствие нотариального права и нотариата как особого учреждения, несовершенство судебной экспертизы подлинности документов — все эти и многие другие, неблагоприятные с точки зрения соблюдения правоотношений, факторы, которые мы наблюдаем в поздней Византии и в поствизантийское время, должны были привести к повышенной роли копий вообще и копийных книг в частности. Списывая в особые книги тексты пожалованных некогда или тут же грамот или письменных актов об юридических сделках (иногда непосредственно с оригинала), люди, как нам кажется, не просто тешили свои «научные интересы» (писали ведь зачастую полуграмотные), но стремились удовлетворить потребность хоть в какой-то оправдательной документации на владение их имуществом.²⁶ Вряд ли составление византийских и поствизантийских книг было обусловлено иными причинами, чем, скажем, возникновение древнерусских копийных книг, о которых Черепнин говорит так: «...составление копийных книг диктуется следующими мотивами: когда инициатива принадлежит монастырю, — стремлением застраховать свое недвижимое имущество от возможности секуляризации или частичной конфискации во время государственных переписей; когда инициатором составления сборников списков земельных актов

патриарх Николай (1084—1111 г.) был обвинен в том, что изданием одного из своих указов (έντολή) вторгся в императорскую компетенцию. Патриарх защитился от нападков императора тем, что велел принести кодекс, в который он списывал свои указы: έντολή там не было (Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 46, 178; E. Gorland. Das byzantinische Registerwesen, S. 36. — О документах, в том числе и копиях, предоставлявшихся суду в Византии в качестве средства доказательства, см.: F. Dölger. Der Beweis im byzantinischen Gerichtsverfahren. La Preuve, Antiquité, Bruxelles, 1965, Bd. XVI (I), S. 608—609; D. Simon. Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess. München, 1969, S. 351.

²⁶ Разумеется, сказанное не относится к таким позднейшим копийным книгам, как кодексы Лавры. Составители их (Кирилл Лавриот, Феодорит Лавриот, Александр Эвморфопулос), судя по всему, преследовали действительно чисто научные цели: текст списанных в этих кодексах документов подвергнут дипломатическому анализу, особо выделены эсхатокол, удостоверительные термины и т. д. Очевидно, А. Гийю имел все основания квалифицировать деятельность первого из названных составителей — Кирилла Лавриота (XVIII в.) — как «начало византийской дипломатии» (A. Guillou. Les débuts de la diplomatie byzantine..., p. 610—634; E. Kourilas. Θεόδωρητος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ κωδικογράφος. Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd. 44, S. 343—346.

выступает феодальное правительство, — желанием проверить землевладельческие права духовных корпораций».²⁷

Некоторое подтверждение нашему гипотетическому выводу мы находим в еще неизвестном ученому миру и хранящемся в Отделе рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина кодексе или части кодекса,²⁸ на который мы хотели бы обратить внимание исследователей, хотя более детальное изучение рукописи и, возможно, издание ее мы откладываем на будущее. Речь идет о Греч. 747, бумажной рукописи небольшого формата (37.0 × 10.9 — поля обрезаны), в бумажной обложке с пометой DCCXLVII (шпфр), принадлежащей руке Хрисанфа Лопарева. Рукопись состоит из 23 листов, пронумерованных Хрисанфом Лопаревым, запись которого дважды воспроизведена на л. 21 об. и на л. 23 об.: «в сей рукописи нумерованных листов двадцать три (23). Хр. Лопарев. 14 июля 1915 г.». Число строк различно, полный лист — 39 строк, но есть неполные листы (например, л. 8 — только 9 строк, а л. 20 об. и 21 об. — чистые). Заглавие рукописи не сохранилось, так как первые три листа утеряны, о чем свидетельствует первоначальная пагинация (с 4-го листа), также принадлежавшая Лопареву и им же зачеркнутая. Отсутствие заглавия вызывает трудности отождествления рукописи, установления ее происхождения. Есть основания полагать, что владельцем этого кодекса был монастырь Таксиарха (Беотия), поскольку в тексте некоторых скопированных документов говорится о заключении сделок между монахами этого монастыря и «мирянами» (см., например, л. 10), упоминаются названия и других местечек, которые указывают на этот район Греции, по ряду с ними — также местность Дафни (л. 11 об.), которую как будто следует искать в Аттике (там был монастырь Дафни). Любопытно также отметить завещание некоей Мары, дочери Николая Мономаха, ἐν Ἀθήναις (л. 5—5 об.; здесь и далее — орфография рукописи).

Всего эта дошедшая до нас часть кодекса содержит 44 копии документов исключительно частного характера (запродажные акты, купчие, завещания, дарения, брачные контракты и т. д.), относящиеся к одной определенной территории, но разного времени. Все акты датированы, так что не представляет труда выделить разновременные части кодекса: их три. К первой части (л. 1—12) относятся 20 копий документов, из которых только два датированы соответственно маем 1611 и декабрем 1612 г., остальные же — разными месяцами (от декабря до мая) 1613 г. (следует также отметить, что копии документов 1611 и 1612 гг.

²⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. II. М., 1951, с. 38; ср.: С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатии. М., 1970, с. 218—340.

²⁸ Выражаю глубокую признательность Е. Э. Гранстрем, обратившей наше внимание на эту рукопись, и Р. М. Бартикяну за разъяснения языка и орфографии некоторых труднопонимаемых мест.

не предваряют копии 1613 г., а находятся среди них). Во второй части (л. 12—20) содержатся 23 копии документов, датированных 1683 г., и в третьей (л. 22—23 об.) — один акт 1751 г. Соответственно все эти три части сильно различаются и в палеографическо-кодикологическом отношении. Они написаны в разное время, разными людьми и на разной бумаге. Почерк первой части кодекса, четкий и хорошо читающийся, явно принадлежит человеку, не особенно грамотному, не имевшему специальной выучки. Для него характерны в высшей степени неустойчивая орфография (особенно в том, что касается итализмов), воспроизведение форм устной речи, причем с ясно выраженными следами местного говора. К сожалению, бумага этой части не содержит целых филигрфей (только отдельные незначительные фрагменты, полосы, по которым трудно восстановить рисунок), и поэтому вопрос о времени редакции этой части кодекса решается предположительно. Думается, что документы были скопированы вскоре после их выпуска, причем лицо, составлявшее кодекс, имело их все в наличии. Только этим можно объяснить тот факт, что акты, датированные ранее других, были списаны вперемешку с датированными позднее.

Текст первой части обрывается на полуслове, и мы не знаем, что еще содержала рукопись. Что касается второй части, то она никак не связана с первой (если, конечно, не считать, что принадлежит тому же монастырю и относится к той же территории). В отличие от четкого, писанного черными чернилами текста первой части текст второй части неясный, порой совсем угасший, писанный рыжими, выцветшими чернилами, но принадлежавший несомненно грамотному человеку и опытному писцу. Как было указано, все документы этой части датированы 1683 г. Единственная филигрань этой части (л. 17, 19 — изящно стилизованная коропа с шестиконечной звездой и полумесяцем) имеет почти полную аналогию с № 1132, 1133 Хивуда,²⁹ по последние принадлежат венецианской бумаге начала XVII в. Судя по почерку, времем редакции второй части кодекса был конец XVII или начало XVIII в. Что же касается третьей части, содержащей акт 1751 г., то она была написана, по всей вероятности, во второй половине XVIII в., хотя филигрань (л. 22 — три сферы с крестом и литерами SA/A/BC) указывает на первую половину этого же столетия (см. № 269, 277—278 в издании Хивуда). Чернила черные, почерк — с большим наклоном вправо, угловатый, производящий впечатление очень быстрого, быстрого письма — принадлежит явно непрофессиональному писцу.

И, наконец, несколько слов о дипломатике этой копийной книги, т. е. о том, ради чего мы к ней и обратились.

Документы скопированы писцами по порядку, без какой-либо разбивки на рубрики и без попытки озаглавить или пропумеро-

²⁹ E. Heawood. Watermarks, vol. I. London, 1957.

вать акты, но зато с соблюдением формуляра, присущего данному частному акту: копия каждого документа сохраняет не только «собственно документ», т. е. текст, но и протокол, который в свою очередь подразделяется на собственно протокол и эсхатокол. Протокол включает в себя: 1) invocatio, состоящую из хризмона и призывания имени Христа, например в форме $\kappa(\upsilon\rho\iota)\epsilon\ \text{I}\eta\sigma\upsilon\ \text{X}(\rho\iota\sigma\tau)\epsilon\ \omicron\ \theta(\epsilon\omicron)\varsigma\ \eta\mu\omicron\nu\ \epsilon\lambda\epsilon\iota\sigma\omega\nu\ \mu\alpha\varsigma\ \alpha\mu\eta\nu$ (л. 1) или более сокращенно + $\text{E}\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \omicron\nu\omicron\mu\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \kappa(\upsilon\rho\iota\omicron)\upsilon\ \alpha\mu\eta\nu$ (л. 2 об., 4 об., 5, 6 об., 7, 7 об., 8 об., 10, 10 об., 20 и т. д.); 2) обозначение контрагентов (например, л. 1 — Мара, вдова Георгия Книнга, и ее сын Лев — с одной стороны, и вдова Ирина с сыновьями Исидором и Иоанном и дочерью Калевгенихи — с другой); 3) формулу сделки — «пожелали заключить постоянное соглашение», το παρον συναλαγμα (или еще $\sigma\epsilon\iota\nu\alpha\lambda\alpha\gamma\mu\alpha$, $\sigma\iota\nu\alpha\lambda\alpha\gamma\mu\alpha$, т. е. $\sigma\upsilon\nu\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha$, contractus, pactum), причем данным термином обозначается, очевидно, и поменклатура самого акта. Во всем кодексе только один раз для обозначения акта использован вместо термина $\sigma\upsilon\nu\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha$ термин το $\sigma\epsilon\iota\varphi\omega\nu\omicron\nu$ (надо: $\sigma\acute{\upsilon}\mu\varphi\omega\nu\omicron\nu$ — соглашение, контракт). Затем следует текст документа, в котором излагается существо дела: описывается предмет сделки (продажа хорафисов, домов и других имуществ, заключение брачного контракта с указанием приданого и т. д.), в запродажных актах устанавливается цена в дукатах, особой клаузулой предусматривается получение денег «в руки» ($\iota\varsigma\ \tau\alpha\varsigma\ \chi\omicron\rho\alpha\varsigma$) продавца, на святом писании ($\iota\varsigma\ \tau\alpha\varsigma\ \alpha\gamma\iota\alpha\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \gamma\rho\alpha\varphi\alpha\varsigma$) приносятся клятвы верности соглашению и т. д.³⁰

Иногда указывается место заключения сделки и составления документов, например $\epsilon\nu\ \tau\omicron\ \kappa\epsilon\lambda\iota\omega\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\alpha\sigma\tau\epsilon\rho\iota\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \alpha\gamma\iota\omicron\upsilon\ \nu\alpha\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\alpha\rho\pi\alpha\sigma\tau\iota\nu$ (л. 20).

Заключается документ эсхатоколом, состоящим из даты и subscriptio свидетелей, которые тщательно сохранены редакторами кодекса. При датировке указывается месяц, число, день недели, иногда час и, наконец, год. Столь же тщательно фиксируются подписи свидетелей, число которых, даже казалось бы при незначительных сделках, всегда достаточно внушительно. При заключении сделки «братьев» монастыря Честного Таксиарха с «мирянами» относительно двух садов акт подписали 18 человек (л. 10). В составлении некоторых актов участвовали профессиональные потарии (например, л. 20: $\nu\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma\ \delta\eta\mu\acute{\omicron}\sigma\iota\omicron\varsigma$). В документах первой части кодекса вообще не указывается их составитель, зато почти все документы второй части сопровождаются пометами попа Стаматиса: $\mu\alpha\mu\alpha\ \Sigma\tau\alpha\mu\alpha\tau\eta\varsigma\ \gamma\rho\alpha\varphi\omicron\ \kappa\alpha\iota$

³⁰ О дипломатике византийских купчих грамот см.: Г. В. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII века. В кн.: Сборник в честь па В. П. Златарски. София, 1925, с. 35—44; А. П. Каждан. Локальные формуляры поздневизантийских грамот. Византийский временник, 1950, т. III, с. 187—393, 1950; D. Simon. Ein spätbyzantinisches Kaufformular, Mélanges H. J. Scheltens. Groningen, 1971, S. 155—181.

μαρτηρο (л. 13, 18 об., 19 об.), или только παπα Σταματης γραφο (л. 13, об., 17), или παπα Σταματης μαρτηρας (л. 14 об.) и т. д. Очевидно, он был составителем и удостоверителем самих подлинников документов, не исключено, что позднее он участвовал и в составлении кодекса.

В отличие от свидетельских подписей документов первой части кодекса, которые были списаны редактором кодекса и, следовательно, не принадлежат самим свидетелям (что само по себе совершенно естественно и является правилом), подписи свидетелей копий второй части кодекса сделаны разными почерками, отличным от почерка писца кодекса и различающимися между собой. Особенно характерна подпись Μιχλις του Μιχαλου, выведенная неумелой рукой: буквы почти печатные, так обычно подписывается малограмотный. Возникает вопрос: не сделаны ли эти подписи на копийной книге самими свидетелями, присутствовавшими как при заключении сделок и оформлении документов, так и при составлении затем копийной книги? В принципе такая возможность не исключается (как, впрочем, и попытка подделать подписи свидетелей). Но если все же допустить такую возможность, то следует признать, что мы имеем дело с попыткой сообщить копийной книге силу документа путем придания ей какой-то видимости юридического оформления.

В заключение позволим себе (для наглядности) опубликовать небольшой акт из копийной книги (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Греч. 747, л. 10 об.), приведя орфографию в соответствии с общепринятыми нормами греческой грамматики.

Εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Κ(υρίου). Ἀμήν. Τὴν σήμερον παρὸν πουλοῦν οἱ κτήτορες τοῦ Τιμίου Ταξιάρχου τὸ χωράφιον ὅπου ἔχει ἐν θέσει στὸ προάστειον πλησίον Ἰω(άννου) Γαλατοῦλα νότια καὶ βόρεια παπὰ Γεώργη Γαλατοῦλα. Πουλοῦν καὶ παραδίδουν τί πρὸς τὸν παπὰ Μιχάλη Γλαβᾶν καὶ Σίδερον τὸν Ἀληθινὸν (ἴγουν γὰρ τὸ μοιράσουν οἱ δύο ἐπίσης) εἰς τιμὴν τὴν ἐσυάστησαν³¹ ἀμφοτέρωι δουκᾶτα ἰά κάθε ὀργυιᾶν ἀπὸ ἐξήγτα τὸ καθ' ἐν ὀργυιᾶς γ'. Τὴν ὁποῖαν τιμὴν τὴν ἐπερίλαβαν οἱ ἄνωθεν κτήτορες εἰς τὰς χεῖρας αὐτῶν. Οὕτως ἐσυάστησαν ἀμφοτέρωι καὶ ὄμωσαν εἰς τὰς ἀγίας τοῦ Θεοῦ γραφὰς τοῦ στέργειν αὐτὸ πάντοτε. Ἐγράφη τὸ παρὸν ἐν μηνὶ Μαΐω β' ἡμέρα κυριακῇ ἐν ἔτει ,αχιγ'.

Μάρτυρες Ἰω(άννης) πρωτοπαπᾶς καὶ Παντόλεως Γαλατοῦλας καὶ Σίδερος Μάγιστρος καὶ ἕτεροι.

Перевод:

Во имя Господа. Аминь. Ктиторы Честного Таксиарха продают сегодня хорафий, паходящийся в проастии вблизи [имения] Иоанна Галатулы — с юга и [имения] попа Георгия Галатулы — с севера. Продают и передают попу Михаилу Главасу

³¹ По-видимому, искаженная форма ἐσύστησαν (от συνίστημι), которая здесь имеет значение «прийти к соглашению», «договориться».

и (И)сидору Алифину, чтобы они поделили его между собою также, (продают) по цене, по которой они договорились, — 11 дукатов за каждую сажень, по шестьдесят саженей в каждой (части), (всего) саженей три (?). Эту цену вышеназванные ктиторы получили в свои руки. Так договорились обе стороны и поклялись на Святом писании божьем навеки соблюдать его [т. е. договор].

Написано настоящим 2-го мая месяца, в воскресный день 1613 года. Свидетели протопоп Иоанн, Пантолеос Галатулас, Сидерос Магистр и другие.

А. М. КОНОНЕНКО

К ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОГО НОТАРИАТА XI—XIII ВВ.

Тема об итальянском нотариате, интересная и необходимая при исследовании любых вопросов дипломатики, остается вплоть до настоящего времени весьма мало разработанной. Специальной научной литературы по нотариату, этому существеннейшему историческому явлению, особенно в городах средневековой Италии, явно недостаточно. Только за последнее десятилетие стали появляться статьи, посвященные отдельным вопросам истории итальянского нотариата.

В данной работе рассматриваются различные вопросы истории итальянского нотариата, достигшего своего расцвета уже в XIII в.

Нотариат является институтом преимущественно итальянским. Относительно происхождения итальянского нотариата предлагались разные гипотезы. Издавна считали,¹ что существует непрерывная преемственность итальянского нотариата от поздней античности, а именно предполагалось, что римский табеллион был прямым предшественником средневекового нотариуса.

В римской практике было три вида составителей документов:² 1) писцы отдельных лиц (рабы или свободные на жалованье), которых называли *exscriptores*, *actuarii*, *notarii*; 2) писцы в официальных учреждениях, которых называли *scribae*; 3) писцы, которые работали «от себя», являясь людьми свободной профессии, и назывались *tabelliones*. Документ, составленный и написанный табеллионом, признавался лишь частным письменным свидетельством, зафиксированным человеком, сведущим в праве. Такие документы не имели официальной силы. Подобное положение наблюдалось в Италии и при лангобардах, затем при каролингах, вплоть до IX—X вв. В качестве примера можно сослаться на сохранившиеся до наших дней грамоты из Вероны, которые часто

¹ C. Paoli. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica, vol. III. Firenze, 1888, p. 4—7.

² Ibid., p. 74.